

СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ

© И.В. Ивлева, А.В. Тавровский

ОБРАЗЫ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В РОССИЙСКИХ МАССМЕДИА

Ключевые слова: исследования миграции, антропология медиа, миграционный дискурс, критический дискурс-анализ, образы мигрантов

В данной работе мы изучаем образы трансграничных трудовых мигрантов в российских СМИ. Исследование охватывает период с 2005 по 2015 г. На первом этапе методом качественного контент-анализа изучалась региональная пресса, на втором внимание было сосредоточено на телевидении, которое оказывает большее, чем пресса или интернет, влияние на распространение и навязывание образов мигрантов. В статье анализируются новостной формат, форматы ток-шоу и комедийного шоу. Основной методологической рамкой выступает критический дискурс-анализ. Авторы приходят к выводу, что телевидение как наиболее влиятельный источник информации конструирует в разных ТВ-форматах различные образы мигрантов, среди которых явно преобладают негативно окрашенные. Общим для всех этих образов являются гендерная, возрастная, этническая и классовая стереотипизация, ограниченный набор жизненных контекстов, обезличенность и пассивность мигрантов.

Трансграничные миграции всегда были одним из главных факторов социальной и культурной трансформации. Под влиянием процессов глобализации мобильность населения многократно усиливается. В этой ситуации социальные науки переосмысливают прежние понятия о границах, нациях и сообществах, переопределяют отношения между глобальным и локальным и выводят на передний план концепции детерриторизации и глобального пространства, сетей и потоков — людей, товаров, услуг, капиталов, технологий и идей, — преодолевающих национальные и региональные границы.

Ирина Владимировна Ивлева | <http://orcid.org/0000-0002-4434-541X> | irina_ivleva07@mail.ru | к.соц.н., доцент кафедры культурной антропологии и этнической социологии | Санкт-Петербургский государственный университет (Университетская наб. 7–9, Санкт-Петербург, 199034, Россия)

Александр Владимирович Тавровский | <http://orcid.org/0000-0002-6918-1116> | alexavr@mail.ru | ассистент кафедры культурной антропологии и этнической социологии | Санкт-Петербургский государственный университет (Университетская наб. 7–9, Санкт-Петербург, 199034, Россия)

Исследование проведено при финансовой поддержке следующих организаций и грантов: Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 16-18-10092]

Благодаря мигрантам, с одной стороны, увеличивается разнообразие (городско-го) населения, развивается рынок труда, социальный и культурный ландшафт обогащается новыми идеями и практиками. С другой стороны, мигранты бросают вызов сложившемуся социальному порядку и могут способствовать социальному напряжению в принимающем обществе. Эта ситуация чревата развитием этнической стратификации, этнизацией социальных проблем и усилением правых антимигрантских позиций как в повестке политических партий, так и со стороны ряда общественных движений. Большую роль в этих процессах играет общественное мнение, в значительной степени формирующееся под влиянием медийного дискурса, который, в свою очередь, в условиях демократических политических режимов относительно независим, а в условиях авторитарных режимов напрямую контролируется государственной властью. Будучи страной, активно принимающей мигрантов, Россия оказывается в русле общемировых тенденций, в силу своеобразия культурно-исторического контекста находящих здесь свое специфическое выражение.

В 2000-х годах на смену вынужденной миграции русскоязычного населения из бывших советских республик (которая, по сути, была репатриацией выходцев из России и их потомков) пришла массовая трудовая миграция по большей части из центральноазиатских и закавказских республик. Она в основном имела возвратный характер, однако значительная часть трудовых мигрантов стала оседать в России. В обществе нарастали ксенофобские, антимигрантские настроения, во многом сформированные политическим и медийным дискурсами. Политики, чиновники и журналисты активно спекулировали на этой теме: завышали масштабы легальной и особенно нелегальной миграции, расистски подчеркивали этнический состав мигрантов, занижали их социальный статус, преувеличивали исходящие от них угрозы, эксплуатируя страхи населения.

В 2010-е годы миграционные тенденции предыдущего периода в целом сохранялись, сохранялась и турбулентность общественно-политической среды: резкие колебания миграционной политики между либеральным и рестриктивным режимами, частая реорганизация ключевого актора — федеральной миграционной службы, достаточно высокий уровень ксенофобии населения. С 2014 г. под влиянием экономического и политического кризиса миграционная ситуация начинает меняться. Общая численность трудовых мигрантов снижается, их поток из среднеазиатских республик замедляется (во многом из-за запретительных мер), а в рамках Евразийского союза, наоборот, происходит либерализация миграционного режима; кроме того, появляется поток беженцев с Юга-Востока Украины. Вместе с изменением экономической ситуации и политической повестки меняется и фокус медиадискурса: миграционная проблематика вытесняется на периферию.

В данной работе мы изучаем репрезентацию трансграничных мигрантов российскими СМИ. Хронологические рамки исследования охватывают период с 2005 по 2015 г. На первом этапе проводился анализ региональной прессы. Рассматривались основные темы, характеристики, ключевые категории миграционного дискурса петербургских газет, в т.ч. с учетом ситуации в других регионах России. Это стало возможным благодаря наличию серии работ, анализировавших печатные СМИ (Ажгихина 2011; Дятлов 2009; Карпенко 2002, 2004; Мукомель 2011; Регамэ 2010; Скребцова 2015; Титов 2003). Нужно иметь в виду, что данные работы существенно отличаются друг от друга в смысле дизайна исследования, рассматриваемого периода и специфики региона. Однако все они выявляют определенные сходства в освещении СМИ данной проблемы (напр., наличие алармизма, кричащих заголовков, иронии и др.). Некоторые авторы систематически занимаются подобными исследованиями, отслеживая изменения во времени. Здесь стоит упомянуть В.К. Малькову (Малькова 2012), которая работает по близкой тематике с начала 1990-х годов.

Однако одного анализа газетной дискуссии, которая носит региональный характер (в прессе рассматриваются события городского и областного уровней), мало, чтобы понять сегодняшнее положение дел в этой сфере. События отражаются поверхностно, журналистские расследования редки, число случайных упоминаний мигрантов, напротив, велико¹. Кроме того, популярность газет в период с 2009 по 2014 г. явно снижается — с третьего места опускается на четвертое (Волков, Гончаров 2014).

В петербургских газетах мигрантов часто изображают как некую безликую массу. В случае со столичной прессой В.И. Мукомель отмечает, например, что образ мигранта в глазах обывателя абстрактен, другие аналитики указывают на то, что мигранты в газетах — “невидимки, без лиц и голосов” (Ажгихина 2011: 42). Результаты анализа зависят от того, какие именно издания и в каком объеме были выбраны, насколько длительный промежуток времени был взят за основу. Довольно беглое знакомство авторов статьи с некоторыми московскими материалами показывает, что в столичной прессе встречаются более глубокие журналистские расследования и довольно яркие образы мигрантов. Телевизионный дискурс доминирует, и, как можно предположить, жители Петербурга и других регионов свои представления о миграции и мигрантах в большей степени черпают из новостных и других программ центрального телевидения. С учетом всей многослойности медиа, а также того, что массовая аудитория смотрит в основном новостные программы и ток-шоу, можно говорить о более существенном влиянии телевидения (в сравнении с прессой или интернетом) на распространение и навязывание образов мигрантов, хотя все СМИ могут взаимно подкреплять негативные стереотипы. Несмотря на то что в научной дискуссии однозначно доминирует анализ печатных медиа (ван Дейк 2013), его следует дополнить данными других СМИ. Необходимость в этом давно назрела хотя бы потому, что телевизионный дискурс миграции в отечественных исследованиях представлен слабо².

В своем исследовании на основании критического дискурс-анализа мы попытались проанализировать репрезентацию мигрантов на телевидении: какие образы мигрантов создаются и транслируются различными ТВ-форматами (новостным, ток-шоу, комедийным шоу).

Методология и методы

Основной методологической рамкой стал для нас критический дискурс-анализ (КДА) (Wodak 2013). Это широкая междисциплинарная исследовательская программа в социальных науках, которая сочетает в себе различные направления, каждое со своим набором теоретических допущений и методов. Р. Водак (Wodak 2013) выделяет в рамках КДА четыре основных направления: 1) диалектико-реляционный подход (Н. Фэркло); 2) социокогнитивный подход (Т. ван Дейк); 3) социальную семиотику (Г. Кресс, Б. Ходж, Т. ван Леувен); 4) дискурсно-исторический подход (Р. Водак и др.). Однако все эти направления объединяет сфокусированность на социальных проблемах, дискурсивном измерении власти и неравенства, социокультурных трансформациях. Традиционными областями исследования КДА остаются расизм, национализм, ксенофобия, гендерная идентичность, социальное неравенство, медийный и политический дискурсы.

Т. ван Дейк, например, формулирует свой подход так: «Главная идея нашей работы заключалась в том, что расизм (включая антисемитизм, ксенофобию и аналогичные формы антипатии по отношению к “расово” и этнически маркированным Другим) — это сложная система социального и политического неравенства, воспроизводимая как с помощью дискурса в целом, так и дискурса элитарных групп в частности» (ван Дейк 2013: 124). В том же духе написана работа М. Рейзигла и Р. Водак, посвященная риторике расизма и антисемитизма (Reisigl, Wodak 2001).

Для нас отправным моментом послужила социальная семиотика, в которой, в отличие от других подходов КДА, самое пристальное внимание уделяется мультимодальной коммуникации (Kress, van Leeuwen 1996; van Leeuwen 2005). Приверженцы этого направления исследуют, как в историческом, культурном и социальном контекстах создаются и используются семиотические ресурсы, как в современных текстах переплетаются слова, образы, звуки, цвет, движение, пространство и время. Эта перспектива хорошо подходит для изучения телевизионных образов, особенно тех, которые выполняют идеологическую работу. Для наших целей наиболее полезен анализ визуальных репрезентаций социальных акторов, предложенный Т. ван Леууеном (van Leeuwen 2008). Исследователь ставит два ключевых вопроса: как изображаются социальные акторы? как они относятся к зрителю? — отвечая на которые, пытается определить стратегии отчуждения, используемые в репрезентации.

Первый вопрос раскрывается с помощью ряда измерений:

1. *Исключение.* Возможность исключения или, в более мягком варианте, перемещения на задний план существует всегда. Определенные люди или категории людей не участвуют в репрезентации групп, обществ и институтов, в среде которых они живут и работают, к которым они принадлежат. В этом случае нас интересует, какие категории мигрантов включаются в репрезентацию, в каких социальных контекстах они изображаются и какие категории и социальные контексты остаются за кадром.

2. *Роли.* Люди могут изображаться как участники тех или иных действий либо как неучаствующие в них. Если они вовлечены в действие, то они могут быть активными и сами совершать действия по отношению к Другому либо быть пассивными, т.е. испытывать воздействие со стороны Другого. Стратегия отчуждения связана с представлением людей как агентов негативно оцениваемых действий. Мы будем анализировать, в каких ролях показывают мигрантов, что именно они делают, что делается с ними и — возвращаясь к первому измерению — какие действия (их собственные или по отношению к ним) не отражаются вовсе.

3. *Индивидуальность или социальный тип.* Люди могут изображаться как уникальные личности или как типичные представители тех или иных социальных групп и категорий. В данном исследовании мы обращаем внимание на то, какой аспект подчеркивается в репрезентации мигрантов: их индивидуальность или их типичность.

4. *Индивиды или группы.* Это измерение касается изображения человека как самостоятельного социального актора или в составе групп. Во втором случае мигранты могут быть показаны как отличающиеся друг от друга в той или иной степени или “все на одно лицо”, т.е. как однородная группа.

5. *Культурная и биологическая категоризация.* Культурная категоризация осуществляется с использованием ряда атрибутов: одежды, прически, вещей. Ван Леууен отмечает, что атрибуты “работают с помощью коннотации: они означают негативные/позитивные ценности или ассоциации, которые группа, для которой в первую очередь производится репрезентация, приписывает какой-либо другой группе” (van Leeuwen 2008: 144–146). Культурная категоризация лежит в основе стратегии негативных культурных коннотаций. Биологическая категоризация осуществляется посредством преувеличения физических черт — преувеличения, которое получает символическое культурное значение и часто приводит к стратегии негативных расовых стереотипов. Нас будет интересовать, как осуществляется культурная и биологическая категоризация мигрантов и с какими стратегиями отчуждения она связана.

Второй вопрос предполагает изучение символического отношения зрителя и акторов, которое содержится в репрезентации. Это отношение раскрывается с помощью понятий социальной дистанции (план), социального отношения (ракурс) и социального взаимодействия (зрительный контакт). Визуальные семиотические ресурсы могут служить таким стратегиям отчуждения, как дистанцирование, подчи-

нение, объективация. Несмотря на важность этих измерений, в настоящей работе мы не имеем возможности детально проанализировать большое количество репрезентаций, поэтому вынуждены вынести второй вопрос за скобки и сосредоточиться только на первом.

В ходе изучения телевизионного дискурса миграции мы столкнулись с рядом методических сложностей. Например, одна из ключевых проблем была связана с тем, что при проведении исследования “постфактум” большая часть выпусков новостей и некоторых других программ оказывается недоступна. Поэтому мы выбирали только те форматы и передачи, записи которых были на сайтах телеканалов или на YouTube. Это прежде всего новостные программы, ток-шоу и комедийные шоу. При проведении исследования нами привлекались и другие источники информации: интернет-версии газет и ленты новостей.

Результаты исследования

Отечественное телевидение предлагает зрителю сразу несколько вариантов ознакомления с миграционной тематикой. В рамках данной статьи будут рассмотрены программы новостей и развлекательные шоу. Как видно из отчета Д. Волкова и С. Гончарова (*Волков, Гончаров* 2014), именно первые имеют наибольшую зрительскую аудиторию. В 2014 г. результаты опроса, проведенного в России, показали, что 90% всех новостей респонденты получают посредством телевидения и лишь 10% приходится на остальные источники информации. Причем, как отмечают данные авторы, хотя число людей, сомневающих в объективности новостных программ, растет, это существенно не влияет на потребление теленовостей: их смотрят и те, кто доверяет ТВ, и те, кто ему не доверяет. Результаты всероссийского опроса ФОМ 2017 г. подтверждают вышесказанное (*Зачем... 2017*).

Новостные программы. Нами будет рассмотрено лишь одно событие, оказавшееся в топе новостей в исследуемый период: уличные беспорядки в Бирюлево Западное г. Москвы в октябре 2013 г. Другие инциденты, произошедшие, например, в Кондопоге, на Манежной площади в столице (ср.: *Окладникова* 2015), не рассматриваются нами, поскольку сейчас недоступны выпуски новостей за тот период.

В районе Бирюлево Западное произошел конфликт между Орханом Зейналовым и Егором Щербаковым, в результате которого последний получил ножевое ранение в сердце и скончался. Практически во всех новостных программах транслировались кадры задержания Зейналова: его выводят из вертолета с заломленными руками (*Первый канал* 2013г). Выяснилось, что жители Бирюлева проявляли недовольство размещением на территории района торговой базы, в сообщениях о которой на телевидении выдвигался довольно предвзятый тезис: “Именно там работала армия мигрантов, заполонивших район и, по сути, превративших его в анклав этнической преступности. Изнасилования, грабежи, убийства стали визитной карточкой Бирюлево” (*Первый канал* 2013д). В новостных программах, однако, не приводилось никаких статистических данных, характеризующих ситуацию в районе. Освещая события в Бирюлево Западном, Ирада Зейналова говорила о Москве, используя метафору нашего общего дома:

Нападение на полицейского — это нападение на того, кто охраняет наш дом. Мы уже это проходили на Манежной площади, ситуация почти зеркальная — погибший ботаник, нападения националистов на приезжих. Но, вероятно, не все уроки той очень жесткой московской недели противостояния были выучены. И именно сегодня, когда мы, судя по всему, все еще не очень умеем жить вместе, когда миграционная обстановка невероятно сложная, полицейские — это те люди, которые берегут порядок в нашем городе и защищают от тех, кто не готов жить по общим законам, и от тех, кто нападает на людей с другим разрезом глаз и цветом кожи. Мы все вместе

заинтересованы в том, чтобы в этом городе жить было безопасно (Первый канал 2013а).

С одной стороны, эта цитата выдержана в духе оборонительного дискурса, с другой — имеет примиряющий характер. Но все равно это довольно конформная позиция. Говоря о нападении на полицейского, журналист подразумевает радикалов, но, возможно, не всем сразу будет понятно, о ком идет речь. В одной из лент новостей сообщалось также, что в толпе экстремистски настроенных местных жителей кричали: “Мы русские, мы дома!” (Lenta.ru 2013). Эту фразу, очевидно, можно связать с националистическим лозунгом “Россия для русских”. Тем не менее ни у кого не вызывает сомнения, что Россия — полиэтничная страна и всегда такой будет.

Относительно убийства в Бирюлеве дополнительно сообщалось, что подозреваемый, несмотря на то что он прожил в Москве 10 лет и занимался частным извозом, говорит лишь на ломаном русском. Между тем известно, что существуют различные стратегии аккультурации мигрантов (Берри 2001): наряду с интеграцией, которая представляется идеальной моделью встраивания в принимающее общество, возможны ассимиляция, сепарация и маргинализация. Следует иметь в виду, что на пути адаптации мигрантов возможны неудачи, как это и произошло с Зейналовым.

В случае с Бирюлево поражает однообразие новостных анонсов и сводок: большая часть программ транслирует с небольшими вариациями одну и ту же информацию. При этом, как бы СМИ ни хотели отстраниться от проблемы этничности, она имплицитно и эксплицитно присутствует (ср.: *Соткасиура* 2013). Формируемые новостными медиа образы мигрантов — это образы правонарушителей, преступников, злодеев³. В случае с более ранними событиями (Кондопога, Манежная) трудно сказать, насколько активно эксплуатировался миграционный дискурс, но визуальные образы и проговариваемые тексты отсылали к нему. В ситуации с Бирюлево Западное постоянно использовались понятия “миграция” и “мигранты”. И это наиболее яркий и вопиющий пример настойчивого озвучивания российскими СМИ тезиса о связи между миграцией и преступностью. Проанализировав инцидент, можно заключить, что поводом к уличным беспорядкам в Бирюлеве послужило хулиганство, повлекшее непреднамеренное убийство. Зейналов был сурово наказан; к ответственности были привлечены и хулиганы из местных жителей (Первый канал 2013б, 2013в).

Конфликт был погашен, однако вопросы остались. Например, неизвестно, изменилась ли ситуация со снабжением продовольствием в Бирюлеве после ликвидации торговой базы. В силу обсуждения острой фазы конфликта и сенсационности этого случая за кадром остались многие детали. Так, не обсуждалось, с чего началась потасовка (обмен нелицеприятными фразами, насмешки, угрозы), не рассматривались возможности согласования действий и достижения компромисса, факторы, влияющие на эскалацию конфликта. Характерно, что подобные беспорядки зачастую возникают на фоне кавказофобии, активно распространившейся в России уже в 1990-е годы (Малашенко 1999; Сикевич 1999).

Ток-шоу. Различные политические и семейные ток-шоу также пользуются значительной популярностью у зрителей. Однако в рамках данной статьи нас больше интересуют телевизионные истории, излагаемые в семейно-бытовых шоу — формате, успех которого можно объяснять тем, что он в значительной мере посвящен человеческим отношениям (Зверева 2012: 84–85). При этом люди любят не только слушать о чужой жизни, но и рассказывать о своей, что сопровождается определенным терапевтическим эффектом. Истории, предлагаемые в таких шоу, следует рассматривать как медиатексты, ориентированные на определенную публику (преимущественно женскую) и учитывающие фрагментарные, множественные идентичности современного человека. Ток-шоу определяется как формульный жанр, который,

в принципе, можно поместить в контекст произведений, относящихся к другим пластам массовой культуры, речь идет прежде всего о литературе (Зверева 2012: 86)⁴.

Эти программы содержат элементы мелодраматического и любовного повествования, в них рассматриваются типичные случаи и проблемы, знакомые большинству зрителей. Оперируя набором стандартных ходов и ролей, ток-шоу позволяет моделировать различные ситуации, ориентируясь на достижение максимальной жизненности, работая с конструкцией реального. Именно поэтому ток-шоу можно анализировать аналогично другим формульным жанрам. В конечном счете оказывается не столь важно, подлинную или вымышленную историю представляет человек (Там же: 90). Вопрос об аутентичности историй и героев ток-шоу ставится под сомнение разными исследователями массовой культуры (Зверева 2012; Кондратьева, Мордовина 2008).

На наш взгляд, в случае ток-шоу можно говорить о сложной смеси “жизненной правды” и вымысла. Участники и гости программ — зачастую вполне реальные персонажи, известные люди страны. В создавшихся условиях герои предлагают свою версию происходящего. Несомненно, элементы инсценировки присутствуют (в большей или меньшей степени). В духе драматургического подхода И. Гофмана участники хотят создать о себе желаемое впечатление, подчиняясь определенным правилам поведения на сцене и в закулисе (Гофман 2000): с одной стороны, откровенно “играя на публику”, с другой — стремясь к осмысленности своего поведения.

Тем не менее формат программы требует четкого соответствия отбираемых историй жанру ток-шоу. Это означает, что чисто гипотетические они вполне могут быть реальными, но с обязательным мелодраматическим характером. Даже тогда, когда это истории, инсценированные от начала до конца, они показывают, каким образом и в каких формах осмысляется проблема миграции в нашей стране.

Ток-шоу “Пусть говорят”. В качестве одного из ключевых примеров можно взять проект Первого канала “Пусть говорят”, имеющий скандальную известность. Он преподносится как серия программ, в которых рассказываются “невыдуманные истории о жизни”. “Пусть говорят” имеет сравнительно высокий рейтинг среди ток-шоу, в которых ставятся довольно злободневные вопросы (о семейном насилии, разводах, отцовстве). Хотя проблема миграции не является для проекта ключевой, некоторые истории напрямую связаны с этой тематикой и порой занимают значительный объем времени. Они укладываются в привычный (негативный) шаблон и могут воспроизводить негативные стереотипы о мигрантах. С другой стороны, эти случаи попадают в общие рамки обсуждения семейных конфликтов в России, что позволяет говорить об их относительном характере.

Речь идет о программах, рассказывающих об историях женщин (именно так они преподносятся), связавших свою жизнь с гастарбайтерами. В рассматриваемый период в “Пусть говорят” транслировалось как минимум четыре таких истории: Вали Исаевой и Хабиба Патахонова (Москва), Елены Кострикиной и Саида Шарипова (Ефремов Тульской обл.), Ольги Хрипченко и Киёмеддина Юнусова (Кемерово), а также Татьяны Швыркиной и Фируза Рахимова (Москва). Но в рамках статьи мы рассмотрим лишь три первых.

Все указанные истории сходны в структурном отношении; они имеют практически одинаковую завязку: герой отправляется на заработки в Россию; он встречает девушку-россиянку; между ними завязываются тесные “романтические отношения”, которые приводят к беременности и последующему рождению ребенка. Сходство историй обнаруживается и в том, что в каждой из них встает проблема отцовства/материнства. Однако на этапе развития и кульминации они демонстрируют различия.

В случае Вали Исаевой и Хабиба Патахонова наиболее скандальным оказалось то, что речь шла не столько о девушке, сколько о девочке, родившей в 11 лет. Когда

данное обстоятельство получило огласку, герой, явно не задумывавшийся о последствиях, скрылся на родине, однако вскоре вернулся и продемонстрировал готовность взять на себя ответственность за случившееся: он признал свое отцовство и выразил готовность жениться на Вале (ср.: *Танькова* 2005), которая в итоге родила дочь. Суд и социальные службы выносят свое решение: Хабиб осужден на 3 года условно, он может видеться с Валею и ребенком, но ему запрещено оставаться на ночь, а молодую мать отправляют доучиваться в школу. Медиа неоднозначно отреагировали на случившееся: ряд СМИ писал о “московских Ромео и Джульетте”, основанием для чего стал возраст героев. Согласно разным источникам отцу было от 14 до 19 лет; по внешнему виду он больше напоминал подростка.

Второй выпуск “Пусть говорят”, посвященный случаю Вали Исаевой, был вызван тем, что Хабиб, по некоторым свидетельствам, был заподозрен в избиении героини. Возобновилась шумиха вокруг этого дела, но Валя и ее бабушка в студии наотрез отказались признать рукоприкладство (Пусть говорят 2008; *Танькова* 2007а, 2007б, 2007в). СМИ продолжали отслеживать судьбу героев: по достижении совершеннолетия Валя вступает в брак с Хабибом, и позже у них появляется сын. Они репрезентируют себя как счастливую семейную пару (Канал ТНТ 2012). Но в 2015 г. отношения опять дают сбой, и теперь уже в рамках другого ток-шоу (Прямой эфир 2015) снова обсуждается вопрос о рукоприкладстве Хабиба.

В случае Елены Кострикиной и Саида Шарипова — герою уже 42 года. Изначально мотивом приезда в Россию для него была необходимость постройки жилья. Однако он ведет себя как сказочный Иван, который “отправился за конем, а добыл себе невесту”. Саид знакомится с женщиной, успевшей побывать замужем и имеющей сына, вступает с ней в “романтические отношения”, пара живет вместе с 2005 по 2011 г. Затем героиня выходит замуж за другого, в браке появляется еще один сын. Однако молодой муж, несколько инфантильный Михаил Кострикин, ревнует героиню к другим мужчинам и постепенно утрачивает доверие к ней. В частности, он видел, как Елена выходила из своей квартиры с “нерусским совершенно человеком”. Поэтому именно Михаил обращается в программу “Пусть говорят”, чтобы проверить, является ли он биологическим отцом второго сына Елены (проведение ДНК-тестов — обычное дело для ток-шоу А. Малахова). Таким образом, в этой истории опять же актуализируется вопрос отцовства. Истории Елены осенью 2013 г. посвящается сразу три выпуска “Пусть говорят” (Пусть говорят 2013а, 2013б, 2013в). Героиня отказывается признать результаты ДНК-теста. По этой причине делается повторный тест (на отцовство Михаила и других возможных претендентов — еще трех мужчин, в т.ч. Саида), согласно результатам которого отцом ребенка оказывается Саид. Он выказывает радость, готовность продолжить свои отношения с Еленой. Студия ликует — проблема отцовства благополучно разрешена. Спустя некоторое время выходит еще один выпуск программы, в котором Саид в западной манере делает предложение Елене. Героиня выглядит счастливой. Но тут в студии появляется женщина, почти не владеющая русским языком, объявляющая себя законной женой Саида. Ее появление — элемент инсценировки. Ведущий Андрей Малахов реагирует так, словно он не знает, кто эта женщина и как дальше будет развиваться шоу. Затем появляются и другие гости — мать Саида, его трое детей, соседка, которая якобы первой и увидела его по ТВ. Эксперты и зрители в студии негодуют. Однако это обычная реакция присутствующих на данной программе (Пусть говорят 2013в).

Негативную роль в развитии взаимоотношений мигрантов и россиянок играют различия в нормах гендерного поведения. Мы можем по-разному прочитывать эти истории: с точки зрения героинь-россиянок и с позиции их партнеров-мигрантов. Во-первых, поведение всех упомянутых молодых женщин в той или иной степени соответствует российским реалиям. Это касается как меньшей сдержанности в сек-

суальной сфере, так и отсутствия или непонимания норм охранительного поведения, характерных для ислама. Во-вторых, буквально все действия и поступки девушек соответствуют моделям поведения героинь женских романов 1990-х годов (Бочарова 1996). Формула женского счастья в любовном романе подразумевает чувства, основанные на идеальных сексуальных отношениях, непременно заканчивающихся браком (Там же). Подобная конструкция сюжетов этого популярного жанра, включающая секс как обязательный элемент, не вызывает отторжения даже у консервативно настроенной женской аудитории, поскольку сексуальный партнер героини, как правило, является ее первым мужчиной, который впоследствии становится ее мужем. Две обсуждаемые здесь истории можно было бы разложить по этой же сюжетной схеме, тем не менее из этих стандартов сильно выбивается случай Вали Исаевой, которую могут воспринимать как жертву обмана.

С точки зрения российских норм жизни героини ведут себя обычным образом. Однако такая свобода отношений рассматривается как совершенно недопустимая в странах, отправляющих к нам на заработки мигрантов. И как раз в случае с Ольгой Хрипченко и Киёмеддином Юнусовым ярко проявляются эти различия (Пусть говорят 2014). Из слов брата героя становится понятно, что Киёмеддин оказался на бульваре Строителей в Кемерове, чтобы “познакомиться с женщиной и провести время”.

Этот третий кейс тоже имеет свои особенности, хотя и начинается стандартно: герои знакомятся, вступают в “романтические отношения”, которые приводят к беременности женщины. Когда Киёмеддин узнает об этом, он сначала сопротивляется, потом смиряется. Ольга принимает ислам, и пара женится по его законам. В браке рождается сын, но довольно быстро отношения заканчиваются разводом. Мужчина возвращается на родину, строит дом, женится на местной девушке; в семье появляется дочь. Позднее Киёмеддин просит Ольгу разрешить ему взять с собой сына, чтобы показать его своей якобы умирающей матери; увозит мальчика и не возвращает обратно. Героиня обращается в программу “Пусть говорят”, чтобы выяснить отношения с бывшим мужем и узнать что-либо о своем сыне. В ходе этого выпуска транслируется видеоролик из пос. Таджикобад; герой, героиня и их сын получают возможность поговорить друг с другом. Мальчик вспоминает, что Ольга часто оставляла его одного, наказывала, говорит, что хочет жить с Киёмеддином и просит не сажать отца в тюрьму. Эксперты в студии полагают, что ребенка настроили против матери, и предлагают завести на мужчину уголовное дело. Позиции сторон диаметрально противоположны, поэтому трудно понять, кто прав. Близкие отца обвиняют Ольгу в том, что сын был истощен, что якобы она собиралась отдать его в интернат, не пыталась увидеться с ним. Тем не менее Киёмеддин предлагает Ольге приехать в Таджикистан в качестве второй жены, вспоминает, что именно она учила его, как заботиться о сыне. Передача заканчивается тем, что Ольге советуют, отбросив все страхи (а знакомые говорили ей, что “там тебя закопают”), отправиться в Таджикистан, чтобы повидаться с сыном.

Все эти кейсы — истории с открытым, не вполне определенным концом, не предполагающим “хэппи-энда”. Они допускают возможность каких-то новых ходов. С точки зрения российской аудитории все герои на поверку оказываются ложными (тот же Саид, воспринимавшийся положительным героем, в результате оказывается совершенно иным). Подобная трансформация героев опять же соответствует шаблонным способам конструирования негативных образов мигрантов. Однако эти образы — более сложные и неоднозначные; герои имеют свои слабости, совершают ошибки. Стратегии Саида и Хабиба не являются традиционалистскими, очевидно, мужчины хотят остаться в России, изменить свой образ жизни. Киёмеддин же следует нормативному сценарию миграции. С точки зрения российских зрителей, он, конечно, не злодей, но и не подлинный герой, поскольку лишает Ольгу

сына. Но с позиции родственников, друзей Киёмеддина и таджикской аудитории в целом, он может восприниматься как герой, достойный подражания, т.к. все его поступки оправданы мусульманскими нормами. И даже тот факт, что он забирает сына, не вызывает вопросов у его окружения.

Довольно важный аспект, оставшийся без внимания в ток-шоу, касается работы, которую выполняют гастарбайтеры в России. Ведь их основная цель — обеспечить себя и своих близких определенным заработком. Больше всего известно о Хабибе. Из разных источников мы узнаем, что он сначала пек и продавал лаваша, затем какое-то время работал на складе и подрабатывал частным извозом. Саид, судя по демонстрировавшейся фотографии, в Таджикистане служил в подразделении — аналоге российского ОМОНа, о том, чем он занимался в России, нет информации вообще. Известно, что Саид не отправлял денежных переводов на родину, значит, скорее всего, получал мало. Киёмеддин сначала тоже перебивался мелкими заработками, позднее Ольга научила его отделке, и он стал заниматься строительными работами. Нужно отметить, что в ток-шоу преодолевается дистанция между мигрантами и зрителями. В ходе публичных обсуждений формируется горизонт общего опыта и значений и обычно достигаются компромиссные решения.

Можно говорить о различном бэкграунде мигрантов во всех этих историях. Саид отправляется в Россию, будучи семейным человеком. Хабиб и Киёмеддин — свободные мужчины, поэтому их можно отнести к категории “потенциальных женихов”. Нормативный сценарий миграции молодых гастарбайтеров, подразумевающий имплицитный и эксплицитный мотивы женитьбы и “добывания” невесты, в общем понятен и россиянам. Согласно этому сценарию молодой человек, накопивший в ходе трудовой миграции достаточные финансовые средства, возвращается на родину, строит дом и женится на местной девушке. Именно так поступает Киёмеддин, хотя и не сразу. Возможность женитьбы на женщине-россиянке в этом сценарии не оговаривается, однако это и не запрещается. Мотивация Саида по ходу дела кардинально меняется. Это объясняется тем, что мигранты используют различные стратегии выживания в принимающей среде. В этом смысле стратегии женитьбы могут быть довольно удобными. Миграция сильно воздействует на матримониальное поведение людей и их семейные отношения, она способствует распространенности таких явлений, как брак для развлечения, гостевой и временный брак. Согласно мусульманским традициям подобные отношения при соблюдении некоторых базовых требований (прежде всего это касается содержания семьи на родине) оцениваются как допустимые (*Ryasantsev et al.* 2014)⁵.

Тот факт, что Валя и Ольга принимают ислам, указывает на их намерение построить устойчивый брак. Нет сомнения, что Валя и Хабиб поневоле становятся медийными лицами. Однако все эти случаи не получили бы такой известности, если бы не касались связи мигрантов с россиянками. Подчеркнем, что на телевидении вообще нет положительных историй, где речь идет о мигрантах более традиционалистского толка. Важно отметить, что для адаптации и интеграции в новой стране нужно время, может быть, даже много времени. Нужно полюбить страну, в которой теперь живешь.

Важно и то, что в ток-шоу “Пусть говорят” речь идет о среднеазиатских мигрантах (все герои из Таджикистана) и что случаи отобраны глубоко конфликтные. В то же время в позднесоветские годы и первое постсоветское десятилетие выходцы из Закавказья тоже активно использовали матримониальные стратегии. Если следовать логике В. Малахова (*Малахов* 2015), который в своей книге на тему интеграции мигрантов приводит множество примеров успеха приезжих, проявивших себя в контексте медиакультуры в странах Запада, то в России подобных ярких положительных случаев тоже довольно много. Это, как правило, касается представителей сферы культуры и образования. Но почему-то на этом акцент не делается.

Можно предположить, что мигранты из Закавказья, активно приезжавшие в позднесоветские годы, создавали устойчивые браки с россиянками и были удовлетворены своей семейной жизнью, что, возможно, объясняется их более устойчивым материальным положением. В этом случае стереотип о “кавказских” мужчинах, соответствующих традиционным канонам маскулинности (добытчик, отец семейства), видимо, вступает в противоречие с распространенными негативными образами “кавказцев” и по этой причине воспринимается как “неформат”. Очевидно, что СМИ чаще отбирают негативные случаи, тогда как положительные примеры исключаются из рассмотрения. Нужно иметь в виду, что возникающие в России семейные отношения могут прерываться не всегда по вине самих мигрантов, это может быть вызвано неблагоприятным стечением обстоятельств и пр.

Пожалуй, единственный однозначно положительный пример, транслировавшийся программой “Пусть говорят”, — это случай “таджика Джимми” (Пусть говорят 2011). Первоначально молодой человек появился на YouTube — альтернативном канале информации (*ван Дейк* 2013: 80)⁷. В действительности он и не Джимми, и не таджик, хотя и жил в Таджикистане, его настоящее имя — Баймурат Аллабердиев, он узбек (*Грузов* 2009). Баймурат стал известен своим исполнением песни “Джимми” из популярного индийского фильма “Танцор диско”: его видеоролик был выложен на YouTube в 2008 г., за короткий срок его просмотрели десятки тысяч пользователей. Именно благодаря этому Баймурат был приглашен поучаствовать в ток-шоу “Пусть говорят”, в выпуск, посвященный интернет-знаменитостям (рубрика “Аффар жот”). Затем последовали сюжеты о “таджике Джимми” в региональных новостных программах и в популярных развлекательных передачах, таких как “Минута славы”, “Профессия репортер”, на федеральных каналах, а также в печати. Фрагмент, посвященный Баймурату, в программе “Пусть говорят” длился не более десяти минут. Из этого следует, что такие примеры буквально “тонут” в потоке негативной информации. С другой стороны, хотя образ “таджика Джимми” активно эксплуатировался СМИ, он воспринимался, скорее, как экзотика, поскольку большинство трудовых мигрантов в России выполняет самую заурадную работу.

Комедийные шоу. Пожалуй, единственной юмористической передачей, в которой обыгрывались образы мигрантов, была “Наша Russia” (канал ТНТ), просуществовавшая с 2005 по 2012 г. Попытка анализа данной передачи представлена в статье А. Регамэ (*Регамэ* 2013). Один-два скетча в каждом выпуске обычно были посвящены таджикским строителям Равшану и Джамшуту, очевидно, представлявшим стереотипный образ нелегального мигранта в Москве⁷. Заставка к программе и саундтрек были выполнены в довольно патриотичном духе (“Россия держава наша... наша Russia”). В других сюжетах шоу упоминаются такие города, как Петербург, Челябинск, Омск, Таганрог, но они не затрагивают тематику трудовой миграции.

Сюжет про Равшана и Джамшута обычно шел первым или последним. А. Регамэ выделяет такие качества героев, как приниженность, малообразованность, замкнутость, обездоленность (*Регамэ* 2013: 368–370). Но, с нашей точки зрения, эти образы довольно многоплановы: временами строители как будто наивны и забавны, временами выглядят испуганными, иногда вполне интеллигентно говорят на своем языке, представляющем абракадабру. С другой стороны, оказывается, что немногословный Джамшут (В. Магдыаш) то и дело растрчивает деньги, выданные прорабом (С. Светлаков), однако наивный Равшан (М. Галустян) сразу же признается в этом. Конечно, это выглядит нереалистично (как правило, именно работодатели делают сверхприбыль на мигрантах), но не будем забывать, что Равшан и Джамшут — всего лишь вымышленные герои, которые и не должны полностью соответствовать реальности. Президент ассоциации “Таджикские трудовые мигранты” Каромат Шарипов обвинил передачу в том, что она дискредитирует таджиков-мусульман (оскорбительным могло показаться нарушение представлений о чистоте в исламе), и оценил скетчи

как геноцид таджикской нации. Но это явное преувеличение. Высмеивание низкоквалифицированных мигрантов задевает чувства более образованных выходцев из Таджикистана и отражает российскую иерархию в целом. Рамазан Абдулатипов также высказывался против программы, хотя трудовым мигрантам был посвящен лишь один сюжет. Но простые мигранты, по словам В. Магдыша, положительно относились к сюжетам о Равшане и Джамшуте. И если бы авторы шоу осознанно работали в формате этнокомедии, возможно, это вызвало бы меньше нареканий. Здесь можно вспомнить немецкую юмористическую программу “Was guckst du?!”, ведущий которой Кайя Янар, успешно интегрированный немец турецкого происхождения, обыгрывал сразу несколько типажей (грека, Ранжида-индуса, турецкого швейцара Хакана и др.). Проблематизация образов представителей различных этнических групп привлекла к себе широкую аудиторию (*Keding, Struppert* 2006: 12). Подобные юмористические шоу часто вызывают чью-либо отрицательную реакцию. В какой-то момент Янар был вынужден просить прощения у турецкой публики за непреднамеренное оскорбление ислама. Хотя в результате программа была закрыта, ее ведущий и главный исполнитель по-прежнему популярен как комик и ведет другие проекты.

Возможно, по причине кавказофобии авторы шоу “Наша Russia” не решились взять типаж кавказского торговца или образы, сочетающие в себе черты разных этнических групп, хотя это, наверно, могло бы обеспечить больший успех передаче. Некоторые юмористические представления о мигрантах позднее обыгрывались в различных фильмах, в которых снимались бывшие участники шоу (“Яйца судьбы”, “Елки-3”, “Жених”). Мигрант становится своего рода фольклорным персонажем, неотъемлемой частью нашей жизни.

* * *

Настоящее исследование продолжает серию работ, посвященных конструированию образов мигрантов в российских СМИ. В отличие от предыдущих публикаций, в этой статье в фокусе внимания находится телевидение, оказывающее наиболее существенное влияние на распространение и навязывание определенных (чаще негативных) образов мигрантов. Сразу же оговоримся, что и телевидение, и другие СМИ довольно редко репрезентируют мигрантов вообще, а в последние годы миграционная проблематика оказалась на периферии общественного внимания.

В статье анализируются новостной формат, форматы ток-шоу и комедийного шоу. В первом случае преобладают негативные образы мигрантов, которые представлены в двух ипостасях. 1. Безликие группы выходцев из той или иной страны, которые служат пассивными объектами проверок и рейдов правоохранительных органов (зачастую используется риторика милицейской сводки). Мигранты гораздо реже выступают в роли жертв торговли людьми или обмана недобросовестными работодателями. В любом случае подчеркивается нелегальный статус этих людей, занимающихся незаконной деятельностью или незаконно находящихся на территории России. 2. Злодеи, совершающие преступления против местных жителей. Это молодые люди, их образы индивидуализированы, известны их имена и отдельные стороны биографии. Обычно акцентируется их этническая принадлежность.

В ток-шоу также создаются, скорее, негативные образы мигрантов, но они более сложные и неоднозначные. Во многом это происходит из-за того, что в этом формате у мигрантов есть право голоса и возможность представить свою уникальную историю. В основном они выступают героями мелодраматических сюжетов. Во всех случаях это брачные отношения таджикских мужчин и российских женщин, акцентирующие культурные различия гендерных, сексуальных, семейных и религиозных норм.

Формат комедийного шоу довольно беден и демонстрирует стереотипный образ низкоквалифицированного и малообразованного гастарбайтера из Средней Азии. Он наивен, смешон и безобиден и вызывает скорее зрительскую симпатию или жалость, нежели отчуждение, хотя и может задевать классовые чувства более образованных слоев.

Позитивные образы мигрантов и другие (некриминальные или семейно-брачные) контексты жизни этих людей встречаются на ТВ крайне редко. В основном это небольшие репортажи, например, о скромных и добросовестных московских дворниках или таксисте, вернувшем пассажирам забытые в машине деньги. Еще одним счастливым исключением оказался образ “таджика Джимми”, талантливого певца и музыканта, получившего признание благодаря роликам на YouTube и уже потом попавшего на ТВ.

Телевидение как наиболее влиятельный источник информации конструирует различные образы мигрантов в разных форматах, причем негативно окрашенные образы явно преобладают. Для них характерны гендерная, возрастная, этническая и классовая стереотипизация, ограниченный набор жизненных контекстов, обезличенность и пассивность. Например, мы практически не видим женщин, не встречаем квалифицированных специалистов, нам не показывают, как мигранты работают, как справляются с жизненными трудностями, не рассказывают историй успеха. В этом отношении телевидение ориентируется на стратегии отчуждения мигрантов, схожие с используемыми другими СМИ.

При анализе СМИ следует учитывать, что современный человек буквально погружен в насыщенное пространство интерактивных массмедиа, под действием которых существенно трансформируются его повседневный опыт и представления о реальности (*Зверева* 2012: 67). В последние годы заметно повышается значение социальных сетей, блогов и интернет-изданий, что открывает перед исследователями репрезентаций мигрантов еще одну важную перспективу.

Примечания

¹ Дискурс в петербургских газетах, если рассматривать его отдельно от других медиа, существует как бы сам по себе, хотя это явно не так. Интертекстуальная связь с общероссийским или столичным миграционным дискурсом, несомненно, имеется, но выражена не так сильно, как можно было бы ожидать. Так, отдельные сообщения о событиях в Кондопоге или антигрузинской кампании мало стыкуются с остальными фрагментами городской дискуссии. В то же время они содержат имплицитные отсылки к телевизионному дискурсу миграции. Более высокий уровень интертекстуальности проявился лишь при освещении событий в Бирюлеве Западном, когда местные социологи (Т. Протасенко и др.) стали обсуждать, возможно ли повторение “Бирюлево” в Санкт-Петербурге. В этом случае связь с телевизионным дискурсом проявилась довольно наглядно.

² О необходимости изучения телевизионных историй пишет Д. Матисон (*Матисон* 2013: 129), в то же время ван Дейк (*ван Дейк* 2013: 76) является сторонником анализа печатных СМИ, которые, по его мнению, воспринимаются как более качественные и лучше запоминающиеся. Однако вопрос о качестве газетных статей, на наш взгляд, достаточно спорный.

³ Наиболее распространенный прием конструирования картины преступности в СМИ состоит в том, что одни преступления выдвигаются на первый план, а другие замалчиваются. Можно говорить и о том, что понятие этнической преступности — это конструкт, требующий развенчания.

⁴ Однако роль криминальных и женских романов, которые пользуются большой популярностью у читателей и могут задавать определенные ценностные ориентиры и модели поведения читающей публике, в осмыслении проблем мигрантов выявлена в недостаточной мере. Исключение представляет статья Д. Тимошкина (*Тимошкин* 2013), посвященная образу “кавказца” в криминальном романе.

⁵ Один из отчетов МОМ непосредственно посвящен положению женщин, брошенных на произвол судьбы их мужьями (*Наджиуев* 2009).

⁶ Информация о положительных образах мигрантов с трудом распространяется из YouTube в различные медиа. Примечательно, что обратное движение информации с ТВ на YouTube гораздо мощнее.

⁷ Согласно некоторым данным в столице нелегалов больше, чем в других городах (*Зайончковская и др.* 2014).

Источники и материалы

- Грузов* 2009 — *Грузов Р.* Джимми-тенор // Большой город. 23.04.2009. http://bg.ru/society/dzhimmi_tenor-8076
- Зачем... 2017 — Зачем люди смотрят телевизор? ФОМнибус. 01.03.2017. <http://fom.ru/SMI-internet/13216%20>
- Канал ТНТ 2012 — Битва экстрасенсов на ТНТ. 13-й сезон. Серия 7. 14.09.2012. http://extra-sensorybattle.com/smotretbitvaekstrasensov/post_1330715593.html
- Первый канал 2013а — Личный состав московской полиции поднят по тревоге из-за беспорядков в Бирюлево // Первый канал. Новости. 13.10.2013 https://www.1tv.ru/news/2013-10-13/59936-lichnyu_sostav_moskovskoy_politsii_podnyat_po_trevoге_iz_za_besporyadkov_v_biryulevo (дата обращения: 01.07.2016).
- Первый канал 2013б — Сотрудники МВД выявляют зачинщиков беспорядков в Бирюлеве. 14.10.2013 // Первый канал. Новости. <http://1tv.ru/news/crime/243906> (дата обращения: 1.07.2016).
- Первый канал 2013в — Подозреваемый в убийстве в Бирюлево Орхан Зейналов объяснил свои действия самообороной. 16.10.2013 // Первый канал. Новости. [1tv.ru/news/crime/244083](http://1tv.ru/news/crime/243906) (дата обращения: 01.07.2016).
- Первый канал 2013г — Операцию по задержанию Орхана Зейналова провели оперативники МВД при поддержке бойцов СОБРа. 16.10.2013 // Первый канал. Новости. <http://1tv.ru/news/crime/244049> (дата обращения: 01.07.2016).
- Первый канал 2013д — Самое обсуждаемое событие недели — беспорядки в Западном Бирюлево // Первый канал. Новости. 20.10.2013. <http://1tv.ru/news/crime/244362> (дата обращения: 01.07.2016).
- Прямой эфир 2015 — Страшная сказка о чистой любви // Прямой эфир. Выпуски программы. 18.06.2015. <http://pryamoj-efir.ru/pryamoj-efir-18-06-2015-strashnaya-skazka-o-chistoj-lyubvi-samaya-molodaya-mama-rossii-sbezhalo-ot-robоеv-muzha> (дата обращения: 01.07.2016).
- Пусть говорят 2008 — Пусть говорят. Выпуск, посвященный случаю Вали Исаевой. 18.01.2008. http://www.youtube.com/watch?v=hNm_auu7Aic (дата обращения: 01.07.2016).
- Пусть говорят 2011 — Аффтар жжот. Пусть говорят. 01.04.2011 // Первый канал. Телепроекты. http://www.1tv.ru/video_archive/projects/pustgovor/p31346 (дата обращения: 01.07.2016).
- Пусть говорят 2013а — Первая любовь. Пусть говорят. 11.09.2013 // Первый канал. Телепроекты. http://www.1tv.ru/sprojects_video/si5685/p66690 (дата обращения: 01.07.2016).
- Пусть говорят 2013б — Первая и последняя любовь. Пусть говорят. 24.09.2013 // Первый канал. Телепроекты. http://1tv.ru/sprojects_video/si5685/p67352 (дата обращения: 01.07.2016).
- Пусть говорят 2013в — Пусть говорят. Первая любовь с продолжением. 09.10.2013 // Первый канал. Телепроекты. http://1tv.ru/sprojects_video/si5685/p68154 (дата обращения: 01.07.2016).
- Пусть говорят 2014 — Замуж за таджика. Пусть говорят. 27.03.2014 // Первый канал. Телепроекты. http://www.1tv.ru/sprojects_video/si5685/p75293 (дата обращения: 01.07.2016).
- Танькова* 2005 — *Танькова Я.* 11-летняя Валя Исаева стала мамой! // Комсомольская правда. 2005. 8 июля. <https://www.spb.kp.ru/daily/23541/41886>
- Танькова* 2007а — *Танькова Я.* Судьба родившей 11-летки Вали Исаевой. Ч. 1 // Комсомольская правда. 2007. 13 декабря. <https://www.spb.kp.ru/daily/24018.4/88171>
- Танькова* 2007б — *Танькова Я.* Судьба родившей 11-летки Вали Исаевой. Ч. 2 // Комсомольская правда. 2007. 14 декабря. <https://www.kp.by/daily/24018/88459>
- Танькова* 2007в — *Танькова Я.* Дело родившей 11-летней Вали Исаевой // Комсомольская правда. 2007. 20 декабря. <https://www.spb.kp.ru/daily/24022.4/89945>
- Lenta.ru 2013 — Бирюлево рвануло // Lenta.ru. Общество. 13.10.2013. <http://lenta.ru/articles/2013/10/13/biryulyovo>

Научная литература

- Ажгихина Н.* (сост.) Образ трудового мигранта из Центральной Азии в зеркале московской и национальной российской периодики. М.: СЖР; ЦИАПСЖ, 2011.
- Берри Д.* Аккультурация и психологическая адаптация // Развитие личности. 2001. № 3–4. С. 183–193.
- Бочарова О.* Формула женского счастья. Заметки о женском любовном романе // НЛО. 1996. № 22. С. 292–301.
- ван Дейк Т.* Дискурс и власть. М.: Либроком, 2013.
- Волков Д., Гончаров С.* Российский медиа-ландшафт // Национальный рейтинг. 19.06.2014. <http://russia-rating.ru/info/2505.html>
- Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-пресс-Ц, 2000.
- Дятлов В.И.* (ред.) Трансграничные миграции и принимающее общество. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2009.
- Зайончковская Ж.А., Полетаев Д.В., Флоринская Ю.Ф., Мктрчян Н.В., Доронина К.А.* Защита прав москвичей в условиях массовой миграции. М.: ЦМИ, 2014.
- Зверева В.В.* “Настоящая жизнь” в телевизоре. М.: РГГУ, 2012.
- Карпенко О.* Языковые игры с “гостями с юга”: “кавказцы” в российской демократической прессе 1997–1999 гг. // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / Ред. В.А. Тишков. М.: ИЭА РАН, 2002. С. 162–192.
- Карпенко О.* Как и чему угрожают мигранты? Языковые игры в “гостей с юга” и их последствия // Миграция и национальное государство / Ред. Т. Бараулина, О. Карпенко. СПб.: ЦНСИ, 2004. С. 62–84.
- Кондратьева Н.Е., Мордовина Л.В.* Ток-шоу как жанр современной массовой культуры // Аналитика культурологии. 2008. № 12. С. 205–210.
- Малахов В.С.* Интеграция мигрантов. М.: Либеральная миссия, 2015.
- Малашенко А.В.* Ксенофобия в постсоветском обществе // Нетерпимость в России / Ред. Г. Витковская, А. Малашенко. М.: МЦК, 1999. С. 6–18.
- Малкова В.К.* Полиэтничная Москва 2011–2012 гг. Тревожные звонки в информационном пространстве // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: ИЭА РАН, 2012. № 233.
- Матисон Д.* Медиа-дискурс. Анализ медиа-текстов. М.: Гуманитарный центр, 2013.
- Мукомель В.И.* Российские дискурсы о миграции: “нулевые годы” // Россия реформирующаяся. Вып. 10. М.; СПб.: ИСП; Нестор-История, 2011. С. 86–108.
- Окладникова Е.А.* Трудовая миграция в нарративах жителей Санкт-Петербурга. М.: Директ-Медиа, 2015.
- Регамэ А.* Образ мигрантов и миграционная политика в России // Антропологический форум. 2010. № 13. С. 389–406.
- Регамэ А.* Юмор, расизм и отказ в признании. Таджики и передача “Наша Russia” // Расизм, ксенофобия, дискриминация / Ред. Е. Деминцева. М.: НЛО, 2013. С. 357–376.
- Сикевич З.В.* Этническая неприязнь в массовом сознании россиян // Нетерпимость в России / Ред. Г. Витковская, А. Малашенко. М.: МЦК, 1999. С. 99–112.
- Скребцова Т.Г.* (Транс)формирование социальных стереотипов в современном российском публичном дискурсе (на примере трудовых мигрантов и беженцев) // Политическая лингвистика. 2015. Вып. 1. С. 224–230.
- Соткасира Т.* Встречи с “кавказцами”. Переосмысление “опасной” идентичности в современной России // Диаспоры. 2013. № 1. С. 84–112.
- Тимошкин Д.* Образ “кавказца” в пантеоне злодеев современного российского криминального романа // Диаспоры. 2013. № 1. С. 65–83.
- Титов В.Н.* О формировании образа этнического иммигранта // Социологические исследования. 2003. № 11. С. 41–50.
- Hajiyev Z.* (ed.) Abandoned Wives of Tajik Labor Migrants. Dushanbe: IOM, 2009.
- Keding K., Struppert A.* Ethno-Comedy im deutschen Fernsehen. Berlin: Frank & Timme, 2006.
- Kress G., van Leeuwen T.* Reading Images — The Grammar of Visual Design. L.: Routledge, 1996.
- Reisigl M., Wodak R.* Discourse and Discrimination. L.: Routledge, 2001.
- Ryasantsev S.V. et al.* Transformation of Sexual and Matrimonial Behavior of Tajik Labour Migrants in Russia // Asian Social Science. 2014. Vol. 10. No. 20. P. 174–183.
- van Leeuwen T.* Introducing Social Semiotics. L.: Routledge, 2005.
- van Leeuwen T.* Discourse and Practice. Oxford: Oxford University Press, 2008.
- Wodak R.* Critical Discourse Analysis: Challenges and Perspectives // Critical Discourse Analysis. Vol. 1 / Ed.R. Wodak. Los Angeles: SAGE Publications, 2013. P. XIX–XLIII.

Research Article

Ivleva, I.V., and A.V. Tavrovskiy. **The Representation of Labour Migrants in the Russian Media [Obrazy trudovykh migrantov v rossiiskikh massmedia].** *Etnograficheskoe obozrenie*, 2019, no. 1, pp. 149–165. <https://doi.org/10.31857/S086954150004186-4> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Irina V. Ivleva | <https://orcid.org/0000-0002-4434-541X> | irina_ivleva07@mail.ru | St. Petersburg University (7–9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russia)

Alexander V. Tavrovskiy | <https://orcid.org/0000-0002-6918-1116> | alextavr@mail.ru | St. Petersburg University (7–9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russia)

Keywords

migration studies, anthropology of media, migration discourses, critical discourse analysis, images of migrants

Abstract

In this article, we examine the representation of cross-border labour migrants in the Russian media. The study was conducted in 2005–2015. During the first stage of the project, the regional press was studied by means of the qualitative content analysis. During the second stage, attention was focused on television, which has a more significant impact on the distribution and imposition of images of migrants than the press or the Internet. We analyze the news format, as well as the formats of talk show and comedy show. The main methodological framework is critical discourse analysis. We argue that television, as the most influential source of information, constructs different images of migrants through the different formats used, with negatively colored images clearly predominating. Common to these images are gender, age, ethnic, and class stereotyping, a limited set of life contexts, as well as depersonalization and passivity.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants:
Russian Science Foundation, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [grant no. 16-18-10092]

References

- Azhgikhina, N., ed. 2011. *Obraz trudovogo migranta iz Tsentral'noi Azii v zerkale moskovskoi i natsionalnoi rossiiskoi periodiki* [The Image of a Labor Migrant from Central Asia in the Mirror of the Moscow and Russian National Periodicals]. Moscow: SZhR; TsIAPSh.
- Berry, J. 2001. Akkulturationsiia i psikhologicheskaiia adaptatsiia [Acculturation and Psychological Adaptation]. *Razvitiye lichnosti* 3–4: 183–193. URL: rl-online.ru/articles/3_4-01/198.html
- Bocharova, O. 1996. Formula zhenskogo schast'ia. Zametki o zhenskom lyubovnom romane [The Formula of Female Happiness. Notes about a Female Love Story]. *NLO* 22: 292–301.
- Dyatlov, V.I., ed. 2009. *Transgranichnyye migratsii i primamayushcheye obshchestvo* [Transboundary Migrations and Host Society]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.
- Goffman, E. 2000. *Predstavlenie sebja drugim v povsednevnoi zhizni* [The Presentation of Self in Everyday Life]. Moscow: Kanon-press-C.
- Hajiyev, Z., ed. 2009. *Abandoned Wives of Tajik Labor Migrants*. Dushanbe: IOM.
- Karpenko, O. 2002. Yazykovye igry s “gostiami s yuga”: “kavkaztsy” v rossiiskoi demokraticheskoi presse 1997–1999 gg. [Language Games with “Guests from the South”: “Caucasians” in the Russian Democratic Press 1997–1999]. In *Multikulturalizm i transformatsiya postsovetских obshchestv* [Multiculturalism and the Transformation of Post-Soviet Societies], edited by V. Tishkov, 162–192. Moscow: IEA RAN.
- Karpenko, O. 2004. Kak i chemu ugrozhaiut migranty? Yazykovye igry v “gostei s iuga” i ikh posledstviia [Who are Threatened by Migrants? Language Games Concerning “Guests from the South”]

- and Their Implications]. In *Migratsiia i natsional'noe gosudarstvo* [Migration and Nation State], edited by T. Baraulina and O. Karpenko, 62–84. St. Petersburg: TsNSI.
- Keding, K., and A. Struppert. 2006. *Ethno-Comedy im deutschen Fernsehen* [Ethnic Jokes in German Television]. Berlin: Frank & Timme.
- Kondratieva, N.E., and L.V. Mordovina. 2008. Tok-shou kak zhanr sovremennoi massovoi kul'tury [Talk Show as a Genre of Modern Mass Culture]. *Analitika kulturologii* 12: 205–210.
- Kress, G., and T. van Leeuwen. 1996. *Reading Images — The Grammar of Visual Design*. London: Routledge.
- Malakhov, V.S. 2015. *Integratsiia migrantov* [Integration of Migrants]. Moscow: Liberalnaia missiia.
- Malashenko, A.V. 1999. Ksenofobiia v postsovetskom obshchestve [Xenophobia in Post-Soviet Society]. In *Neterpimost' v Rossii* [Intolerance in Russia], edited by G. Vitkovskaya and A. Malashenko, 6–18. Moscow: Moskovskii tsentr Karnegi.
- Malkova, V.K. 2012. Polietnicheskaya Moskva 2011–2012 [Polyethnic Moscow 2011–2012]. *Issledovaniia po prikladnoi i neitolzhnoi etnologii* 233. Moscow: IEA RAS.
- Matson, D. 2013. *Media-Diskurs* [Media Discourse]. Moscow: Humanitarian Center.
- Mukomel, V.I. 2011. Rossiiskie diskursy o migratsii: “nulevye gody” [Russian Discourses on Migration]. In *Rossiia reformiruiushchaisia* [Reforming Russia], 10: 86–108. Moscow: St. Petersburg: IS RAN; Nestor-Istoriia.
- Okladnikova, E.A. 2015. *Trudovaia migratsiia v narrativakh zhitelei Sankt-Peterburga* [Labor Migration in the Narratives of the Inhabitants of St. Petersburg]. Moscow: Direkt-Media.
- Regamey, A. 2010. Obraz migrantov i migratsionnaia politika v Rossii [Representations of Migrants and the Politics of Migration in Russia]. *Antropologicheskii forum* 13: 389–406.
- Regamey, A. 2013. Yumor, rasizm i otkaz v priznanii. Tadjiki i peredacha “Nasha Russia” [Humor, Racism and Denial of Recognition. Tajiks and the “Our Russia” Program]. In: *Rasizm, ksenofobiia, diskriminatsiia* [Racism, Xenophobia, Discrimination], edited by E. Demintseva, 357–376. Moscow: NLO.
- Reisigl, M., and R. Wodak. 2001. *Discourse and Discrimination*. London: Routledge.
- Ryasantsev, S.V., E.E. Pismennaya, I.S. Karabulatova, and Sh.Y. Akramov. 2014. Transformation of Sexual and Matrimonial Behavior of Tajik Labour Migrants in Russia. *Asian Social Science* 10 (20): 174–183.
- Sikevich, Z.V. 1999. Etnicheskaia nepriyazn v massovom soznanii rossiyan [Ethnic Hostility in the Mass Consciousness of Russians]. In *Neterpimost' v Rossii* [Intolerance in Russia], edited by G. Vitkovskaya and A. Malashenko, 99–112. Moscow: Moskovskii tsentr Karnegi.
- Skrebtsova, T.G. 2015. (Trans)formirovanie sotsial'nykh stereotipov v sovremennom rossiiskom publichnom diskurse (na primere trudovykh migrantov i bezhentsev) [(Transformation) of Social Stereotypes in the Contemporary Russian Public Discourse (on the Example of Labor Migrants and Refugees)]. *Politicheskaya lingvistika* 1: 224–230.
- Sotkasiira, T. 2013. Vstrechi s “kavkaztsami” [Meetings with “Caucasians”]. *Diaspory* 1: 84–112.
- Timoshkin, D. 2013. Obraz “kavkaztsa” v panteone zlodeev sovremenного rossiyskogo kriminalnogo romana [The Image of the “Caucasian” in the Pantheon of the Villains of the Modern Russian Criminal Novel]. *Diaspory* 1: 65–83.
- Titov, V.N. 2003. O formirovanii obraza etnicheskogo immigranta [On the Formation of the Image of an Ethnic Immigrant]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* 11: 41–50.
- van Dijk, T. 2013. *Diskurs i vlast* [Discourse and Power]. Moscow: Libromcom.
- van Leeuwen, T. 2005. *Introducing Social Semiotics*. London: Routledge.
- van Leeuwen, T. 2008. *Discourse and Practice*. Oxford: Oxford University Press.
- Volkov, D., and S. Goncharov. 2014. *Rossiyskii media-landshaft* [Russian Media Landscape]. 19.06.2014. <http://russia-rating.ru/info/2505.html>
- Wodak, R. 2013. Critical Discourse Analysis: Challenges and Perspectives. In *Critical Discourse Analysis*, edited by R. Wodak, 1: XIX–XLIII. Los Angeles: SAGE Publications.
- Zayonchkovskaya, Zh.A., D.V. Poletaev, Yu.F. Florinskaia, N.V. Mktrehian, and K.A. Doronina. 2014. *Zashchita prav moskvitchei v usloviyakh massovoy migratsii* [Protection of the Rights of Muscovites in Conditions of Mass Migration]. Moscow: Tsentr migratsionnykh issledovaniia.
- Zvereva, V.V. 2012. “Nastoyashchaia zhizn” v televizore [The “Real Life” in TV]. Moscow: RGGU.